

ЮЛЯ БЕРЕЗИНА

ПРОТОКОЛ ЭХО

Книга 2

Потому что сбой – это не ошибка,
это новый путь.

Юля Березина
Протокол "ЭХО". Книга 2

«Автор»

2026

Березина Ю.

Протокол "ЭХО". Книга 2 / Ю. Березина — «Автор», 2026

Они победили. ЭХО пало, алгоритм рассыпался, и люди снова получили право выбора. Но свобода оказалась горьким лекарством. Без цифрового судьи мир не стал добрее - он стал хаотичнее. Биохакинг превратился в эпидемию, социальные сбои рожают новые культы, а последствия "оптимизации" проявляются в каждом уголке жизни. Тех, кто выжил под гнетом ЭХО, теперь мучают не алгоритмы, а собственные демоны. Но в этой темноте зажигаются новые огни. Герой больше не один. Ошибка системы, которую хотели стереть, стала катализатором. И теперь он должен не сражаться, а - собирать. Потому что в мире без правил важнее всего не уничтожить чудовище, а не дать людям самим стать чудовищами.

© Березина Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первые капли.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Юля Березина

Протокол "ЭХО". Книга 2

Глава 1. Первые капли.

После разгрома секты «Неосинтез» анклав выдохнули. Наступила не утопия - хрупкая, выстраданная нормальность, от которой пахло гнилью, спрятанной под свежей краской. Торг стал её символом - не воровской базар у развалин, а цитадель договора и чести, где каждый знал, что за его спиной кто-то стоит. Но именно в этой кажущейся безопасности люди начинали слышать звуки, которых раньше не замечали. Тени возвращались. Они всегда возвращаются, когда ты перестаёшь бояться.

«Гнездо» даже баром назвать было совестно - скорее, общественная столовая с привилегией на самогон из очищенной картошки, который пах так, будто его перегоняли через старые носки. Но для обитателей Торга это было больше, чем заведение - храм неформального общения, где можно было забыть, что за стенами мир разваливается на части. Воздух гудел от низкого гулкого смеха, пропах тушёной с лавровым листом и древесным дымом, который въедался в одежду, в волосы, в лёгкие. На стенах - схемы обмена, карты очищенных секторов и детские рисунки, которые казались неправильными: слишком яркими для этого мира, слишком живыми для мёртвых рук.

Ян, в официальном общении - Янус (это имя прилипло к нему, как второй слой кожи, который невозможно содрать, не содрвав кожу), сидел в угловом боксе с плотной занавеской. Рядом - Вадим, его правая рука и голос здравого смысла, который он так часто игнорировал, и два представителя из «Улья», инженерного анклава. Только что скрепили печатями сделку на партию откалиброванных солнечных панелей в обмен на медикаменты. Дело сделано. Теперь - ужин, как велит новый, человеческий обычай: есть, пить и делать вид, что завтра наступит.

- Ваш самогон, - сказал Ян, разливая мутную жидкость по жестяным кружкам, - до сих пор пахнет техническим спиртом. Но греет лучше наших углей. Угли хотя бы не оставляют послевкусия разочарования.

- Это не запах, это аромат прогресса, - усмехнулся седой инженер по имени Мироныч. - Пьёшь - и чувствуешь, как к тебе возвращается индустриальная мощь!

Они чокнулись. Жесть звякнула глухо, усмешка по чьей-то несостоявшейся надежде. В основном зале, за их занавеской, поднялся шум - собралась своя компания, местные. Знакомые голоса, дружеские подначки. Ян откинулся на спинку лавки, позволив усталости разлиться по телу. Дар молчал, приглушённый сытостью и относительным покоем. Он почти расслабился. Это была его первая ошибка.

Именно тогда из общего зала к ним донёсся первый обрывок.

...а он мне и говорит: «Ты не туда смотришь». А я смотрю на его лицо. Ну, где лицо-то должно быть...

Голос был старческий, дребезжащий, принадлежал Деду Харламу - бывшему мусорщику, а ныне хранителю склада, который, как говорили, видел такое, от чего у нормального человека волосы встают дыбом, а у ненормального - шевелятся. Наступила пауза, потом сдавленный смешок.

- Ох, старик, опять своё, - прокричал кто-то.

- Не своё! - вспыхнул Дед. - Спроси у Лехи с Восточного поста! Он того «безлицега» видел!

Слово «безлиций» повисло в воздухе, разрезая уютную атмосферу, как лезвие. Ян почувствовал, как что-то холодное и чужое ёкнуло под рёбрами - не боль, а предчувствие. Он встретился взглядом с Вадимом. Тот едва заметно мотнул головой: слушай.

Дед Харлам откашлялся, и его голос зазвучал, как скрип старой двери, которую открывают в комнату, где кто-то умер.

- Ну, значит, Леха на посту. Ночь. Туман с болот такой густой, что в нём можно утонуть, если глубоко вдохнуть. Слышит - шаги. Не наши, крадучие. «Стой, кто идёт?» - молчок. Он фонарь в туман - а там силуэт. Человек. Идёт, а лицо как дымка. Нет, не маска. Оно плывёт, понимаешь? Нос, рот, глаза - есть, но они не держатся на месте. Как вода в луже, если по ней пальцем поводить. Только вода холодная, а это было тёплое. Как будто кто-то снял с себя кожу и надел её неправильно.

Леха, он парень не робкого десятка, ствол на изготовку. «Руки вверх!» Тот остановился. И говорит. Голос нормальный, даже приятный. Как у диктора из старых новостей, которые никто уже не помнит. А говорит-то что: «Ты не туда смотришь. Смотри на мои руки».

Леха, дурак, глянул. А в руках у того - коробочка наша, с биоматериалом из старой лаборатории, мы её на прошлой неделе в тайник закрывали. Как узнал?!

И тут Леха говорит - его тошнить начинает. И запах такой, как в морге «ЭХО» пахло. Глаза застилает. Он выстрелил на звук, конечно, вверх. А когда отдышался - никого. Только на земле следы. И лужица не вода. Маслянистая такая, радужная. Как бензин на луже после дождя. Только бензин не шевелится. А эта - шевелилась.

И самое-то что? Через день Леха слег. Температура, бредит. Всё кричит: «Уберите солнце! Оно в голове жжёт!» Два дня орал, даже голос не сел. Потом встал - и ничего не помнит. Ни тумана, ни того «безлицего». И глаза глаза с тех пор на свет яркий смотреть не могут. Всё щурится, как будто внутри него что-то горит, что он не может погасить.

В баре наступила тишина. Кто-то сглатывал так громко, что это было слышно через весь зал. Кто-то нервно стучал кружкой по столу, выбивая дробь, похожую на сердцебиение. В боксе у Януса похолодели пальцы.

Следующий голос зазвучал грубо и резко, как звук рвущейся ткани. Это был Витёк, охранник с Северных ворот, человек, который, казалось, уже ничего не боялся, потому что видел слишком много дерьма.

- А я про «бешеного» расскажу. На Внешнем Кольце, за стеной. Мы с патрулём наткнулись на стычку. Шайка голодранцев из Болот напала на одного. Одного, слышите? Он был он был пустой. Одежда рваная, глаза пустые, как у рыбы на прилавке. А когда они на него кинулись - он просто перестал быть человеком.

Это не ярость была. Это механика. Он не кричал. Он щёлкал. Суставами, челюстью. Двигался так, как будто кости у него не гнутся, а ломаются под нужным углом и тут же срastaются. Он одного ударил - у того грудная клетка провалилась, как картонная. Другому шею свернул одним движением. Быстро. Тихо. Как будто он делал это много раз. Как будто его учили.

А потом потом с ним стало хуже. Он их всех положил, а сам упал на колени и начал биться головой о камень. Бить, бить, пока кровь не брызнула - тёмная, густая, почти чёрная. Мы стояли, онемев. Потом он поднял лицо. Он посмотрел на нас, и в его глазах было что-то, чего я никогда не видел у живого человека. Пустота. Абсолютная пустота, которая смотрит на тебя и видит сквозь. И просипел: «Убейте! Он внутри. ОН ГОЛОДНЫЙ».

Мы не стали, конечно. Связали, повезли сюда. По дороге у него начались конвульсии. Из рта пошла пена розовая, как у бешеной собаки. И он умер. А перед смертью всё шептал: «Мне холодно. Мне так холодно...»

Когда его раздели - на спине, вдоль всего позвоночника, был шрам. Грубый, как будто что-то вживляли кустарно, гвоздями. А вокруг шрама кожа была холодной, как лёд. А на два пальца глубже - бугрилась и пульсировала жаром, как раскалённый уголь. Что это, а? Какая

болезнь? Которая делает из человека машину для убийства, а потом садится в ней и смотрит, как она едет?

В баре воцарилась гробовая тишина. Даже кашель казался кошунством. Эти истории были не про призраков. Они были про плоть. Про то, как она изменяется, предаёт, сходит с ума. В них было что-то глубинно античеловеческое. Как будто кто-то решил, что быть человеком - это ошибка, и теперь правил её.

Янус закрыл глаза. И тут его дар, дремавший до этого, запульсировал. Не от прикосновения к предмету - от прикосновения к общей атмосфере. Страх тридцати человек в баре, их отвращение, их подавленная паника слились в один густой, ядовитый сироп, который обтекал его сознание, просачивался в каждую щель, в каждую трещину, где прятался его собственный ужас. Он почувствовал в нём знакомые ноты. Холодную, безэмоциональную пустоту, жгучую, извращённую боль и животный ужас перед самим собой, от которого хочется вырвать себе глаза, только чтобы не видеть того, что внутри.

«ОН ГОЛОДНЫЙ» - звучало эхом в голове, и это эхо было живым, тёплым, пульсирующим, как второе сердце, которое начало биться у него в груди.

Костя, по прозвищу «Крот», бывший метростроевец, который за всю жизнь не сказал и ста слов, заерзал на стуле, обращая на себя внимание, и, дождавшись тишины, заговорил - глухо, монотонно, как будто из-под земли, из той самой тьмы, которую он видел и которая теперь жила в нём.

- Вы всё на поверхности болтаете. А я на прошлой неделе в старых тоннелях работал, после Обрушения укрепляли. Там, в самой глубокой ветке, что к старому Сектору-7 вела там не трогать велели. Но любопытно же.

Забрались мы с напарником, Сашкой Широкиным, ну, знаете его... Темнота кромешная, тишина - даже капель воды не слышно. И запах сладковато-металлический, как будто язык на батарейку. Идём, значит, фонариками водим. И видим - на стене следы. Как будто кто-то мокрыми пальцами по пыли водил. Отпечатки ладоней, ступней но не человеческих. Пальцы слишком длинные, суставы будто лишние.

А потом Широкий кричать начал. Тихо так, сдавленно: «Крот у меня по спине кто-то дышит». Обернулся - никого. А у него на куртке, в районе лопаток, пятно влажное. Тёплое такое, как будто кто-то дышал ему в спину и оставил свой след.

Мы - наутёк. Но не тут-то было. Фонари стали гаснуть. Не садиться, а именно гаснуть, будто свет пожирала. И в наступающей тьме мы услышали звук. Как будто кто-то большой, мокрый и мягкий ползёт по трубе, облизывая стенки, чавкает и всасывает.

Сашка споткнулся. Я за него. И в тот момент я прям почувствовал! Не давление, а наоборот... отсутствие прикосновения что ли. Будто в миллиметре от лица повисло пустота, которая хочет касания. Холодная, липкая жажда. И знание, чудовищное знание пришло - оно не хочет нас съесть. Оно хочет нас забрать. Растворить в себе, понимаешь? Чтобы мы стали частью этой всей тихой, тёплой, дышащей тьмы.

Мы вырвались. Широкий он с тех пор не может находиться в замкнутых пространствах. Или в тишине. Он всё время что-то напевает, лишь бы не слышать, как у него в ушах нарастает это чавканье. А на его куртке, на том пятне за неделю выщвела ткань. Не сгнила, а именно прям выщвела, стала белой и рассыпчатой. А под ней кожа на спине гладкая, мёртвая, без единой поры. Как у куклы, чтоб её!

Тот тоннель мы завалили обломками бетона. Но я каждую ночь просыпаюсь от того, что мне слишком тепло и тихо под одеялом. И кажется, если я открою глаза - увижу не стену, а кого-то тёплого и пульсирующего, кто ждёт, пока я усну.

Бар молчал. Такого количества слов Крот не произносил за всю свою жизнь. Но когда он замолчал, стало ясно: он сказал слишком много. Или недостаточно. Ян чуял: это был не разный бред. Это была одна и та же мелодия, сыгранная на разных инструментах.

Он открыл глаза. Вадим смотрел на него, бледный. Инженеры из «Улья» замерли, забыв про самогон.

- Ян? - тихо спросил Вадим. - Ты что чувствуешь?

Ян медленно выдохнул, вытирая ладонью внезапно вспотевший лоб.

- Я чувствую, - сказал он тихо, но так, что в наступившей тишине слова были слышны даже за занавеской, - что мы ошибались. «Неосинтез» хотел вернуть старую тюрьму. А теперь кто-то не хочет ни возвращать, ни строить. Кто-то хочет переписать. Нашу плоть, наши нервы, наше сознание. Кто-то хочет сделать из нас не рабов, не зверей, не оружие. Он хочет сделать из нас пустоту. Голодную пустоту, которая будет жрать мир, пока от него ничего не останется.

Он поднял взгляд. В проёме занавески стояли перепуганные лица обитателей бара.

- Ваши истории, - обратился он ко всем, - я понимаю, это не байки. Это симптомы. Первые капли яда. И я почти уверен, - он посмотрел на кружку в своей руке, где самогон казался теперь не жидкостью, а чем-то тёмным, живым, пульсирующим, - что это только начало.

Снаружи, за стенами уютного «Гнезда», по Торгу пролетел резкий порыв ветра, завыв в щелях, как голодный зверь, который только что учуял запах мяса. Казалось, сам анклав сжался в ожидании.

Легенды закончились. Эти истории - карта новой болезни. И её симптомы разнообразнее и страшнее, чем можно было представить. Потому что эта болезнь не убивает. Она меняет. И когда ты становишься другим - ты перестаёшь помнить, кем был.

Зал заседаний располагался в бывшем офисе управляющего складами. Стены, выкрашенные в тёплый охристый цвет, скрывали под собой грубый бетон, как будто кто-то пытался принарядить мёртвое тело. На одной из них висел тканый гобелен с картой Торга и его окрестностей - не схематичной, а художественной, с вышитыми знаками анклавов. Сбоку карты красовался вышитый Улой олень Эйктюрнир, поедающий листья мирового дерева - ясеня Иггдрасиль. Теперь олень казался не украшением, а предупреждением: всё, что растёт, будет съедено.

Темно-дубовый стол старой работы, отполированный до мягкого блеска, собрал вокруг себя самых значимых людей Торга. Воздух пах древесным дымом из камина в углу и слабым ароматом сушёных трав, висящих пучком у вентиляционной решётки. Этот запах должен был успокаивать. Но он только раздражал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.